

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2024, Том 12, № 2 / 2024, Vol. 12, Iss. 2 <https://mir-nauki.com/issue-2-2024.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/17PDMN224.pdf>

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Борисов, С. Б. Историко-культурный комментарий как механизм обеспечения целостного освоения произведений русской советской литературы 1920–1930-х годов / С. Б. Борисов // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12. — № 2. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/17PDMN224.pdf>

For citation:

Borisov S.B. Historical and cultural commentary as a security mechanism integral development of the works of Russian Soviet literature of the 1920s and 1930s. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2024;12(2): 17PDMN224. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/17PDMN224.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства просвещения РФ на выполнение прикладной НИР по теме «Система целостности литературного образования в образовательных организациях общего и среднего (полного) образования» № 073-00022-23-03 от 07 ноября 2023 года

УДК 372.882

Борисов Сергей Борисович

ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», Шадринск, Россия
Профессор кафедры «Филологии и социогуманитарных дисциплин»

Доктор культурологии, доцент

E-mail: sbsborisov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2726-0446>

Историко-культурный комментарий как механизм обеспечения целостного освоения произведений русской советской литературы 1920–1930-х годов

Аннотация. На примере сатирической повести М. Булгакова «Собачье сердце» (1925) и возвращённого в программу старшей школы романа Н. Островского «Как закалялась сталь» (1934) автор рассматривает необходимость применения историко-культурного комментария для релевантного осмысления содержания литературно-художественного текста и адекватной реконструкции авторского замысла. Материал статьи может быть полезен учителям как основа для формирования концептуальных уроков, подбора занимательного материала по изучаемым произведениям.

Ключевые слова: литературное образование; советская литература; историко-культурный комментарий; интерпретация произведения; история повседневности

Введение

В настоящее время происходит крупнейшее реформирование школьной программы по литературе. В принятой не столь давно «Концепции преподавания русского языка и литературы в РФ» было заявлено, что «многолетние традиции системного изучения ... литературы в образовательных организациях (методические подходы ... и образовательные практики) представляют собой важнейший потенциал российской системы общего образования».¹

¹ Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации (распоряжение от 09.04.2016 г. № 637-р. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71280432/> (дата обращения: 25.11.2023).

При этом в современную практику школьного образования возвращаются не только подходы к обучению литературе, но и произведения, выведенные за пределы школьной программы в завершающий период существования Советского Союза. Повышенное внимание сообщества учителей-словесников, преподавателей-филологов и специалистов в области методики преподавания литературы привлекают к себе вновь вводимые в программу произведения, созданные в советское время, в том числе роман Николая Островского «Как закалялась сталь» (1934).

Между тем, объективное постижение литературного процесса в СССР встречает серьёзные трудности как общекультурного, так и методического характера. Период второй половины 1980-х до начала XXI в. — это период жесткого развенчания советской идеологии, советского государства, советской продукции, советского образа жизни, советского типа мышления, одним словом, всего советского. Эта целенаправленная политика развенчания всего советского привела к постепенной замене позитивного в науковедческом смысле, то есть лишённого абстрактности, конкретного, предметно эксплицированного, эмпирически верифицируемого знания рядом негативно окрашенных стереотипов, принимаемых на веру и потому в принципе не опровергаемых. Такого рода стереотипные формулы, описывающие жизнь в Советском Союзе — культ личности Сталина, политические репрессии, ГУЛАГ, тоталитаризм, цензура, подавление индивидуальности, господство идеологии во всех видах творчества — уже не одно поколение учителей искренне воспринимают как самоочевидную историческую реальность. Ни публикация исследований, стремящихся объективно осветить исторические реалии жизни СССР, ни появление в медийном пространстве материалов, «очеловечивающих» образ «тоталитарной» эпохи, не способны, как показывает практика, привести к существенной трансформации массовых учительских установок и подходов к преподаванию советской литературы в современной школе. Как следствие — представления выпускников школы о советской истории и советской литературе складываются в рамках вышеизложенных стереотипных образов и ассоциаций. Несмотря на постепенное понижение градуса неприятия Советского Союза как этапа истории Отечества, говорить о преодолении бессознательно-блокирующего подхода к информации о советской жизни в практике школьного преподавания очень рано.

Системное преодоление такого историко-культурного невежества, возможно при условии появления в перечне пособий для учителя эмпирически верифицированных, сопровождаемых большим количеством наглядных примеров-цитат историко-культурных комментариев, которые бы раскрывали советскую эпоху не как набор картинок из комикса ужасов, а как многомерную картину жизни, не как подборку историй про забытых жизнью и запуганных властью людей, а как полифоническое историческое полотно производственно-трудовой, досугово-бытовой, любовно-семейной, творческо-поисковой, в меру драматичной, в меру успешной жизни обычных простых людей, переживающих, как и мы сегодня, свои радости и тревоги в конкретных исторических условиях, которые ни в Российской империи, ни в Советском Союзе, ни в современной России от отдельного человека, как правило, крайне мало зависят.

В этом мы видим *актуальность* настоящего исследования, посвященного осмыслению и историко-культурному комментарию советской литературы начала становления нового государства, периода преодоления литературы «серебряного века», ломки старого имперского мира.

Обсуждение

Временная отдалённость «классического» периода советской истории — с его окончанием минуло уже более трёх десятилетий, — в том числе не только его

общественно-политической и социально-экономической, но и духовно-культурной, в том числе литературной составляющей открывает возможность его рационального, академически неспешного осмысления, лишённого ранее неизбежной эмоциональной вовлечённости и субъективно-оценочной ангажированности.

В то же время объективное постижение литературного процесса в СССР встречает серьёзные трудности как общенаучного, так и методического характера. Для читателя советской и начального периода постсоветской эпохи пояснения деталей истории, культуры и повседневности не требовались, поскольку ощущались и осознавались как естественные жизненные составляющие, но год от года, по мере временного отдаления от советской эпохи, эти, казалось бы, самоочевидные социальные явления (первомайская демонстрация, соцсоревнование, борьба за выполнение плана, партсобрание, пионерский сбор, октябрятская звёздочка, местком, заседание парткома, колхоз, культпоход, красные следопыты, партмаксимум, освобождённый секретарь, партийная чистка, партийный призыв, совет отряда, комсомольская путёвка, комсомольский набор, стилиаги, мещанство, мелкобуржуазное влияние, кандидатский стаж, дружинники, продуктовый заказ, закрытый город, рабочий распределитель, номенклатурный работник) для читателя постепенно вытеснялись из сферы самоочевидного в сферу «в общих чертах знакомого», затем в сферу «где-то слышанного» и, наконец, в сферу неведомого, не представляемого и даже приблизительно невообразимого.

К началу XXI столетия окончательно сложилась ситуация, когда многие исторические детали, социальные и культурные факты стали нуждаться в специальном пояснении. Такие пояснения о советской жизни стали нужны не только ученику, но и учителю, рожденному в позднем СССР или уже в эпоху РФ.

Такая ситуация в той или иной степени уже имела место. Потребность в комментариях к произведениям русской литературы конца XVIII — первой половины XIX века, безусловно, ощущалась уже в конце XIX — начале XX вв. Однако «в русской дореволюционной филологии и методике преподавания классической литературы жанр комментария почти не получил распространения» [1, с. 6]. Ещё более обострилась ситуация после Октябрьской революции 1917 года, когда не только изменился предметный уклад повседневности, но перестали быть понятными сотни социальных реалий XIX века.

В практике советской школы большим событием стал выход в 1932 году предназначенного для учителей комментария Н.Л. Бродского к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [2] и публикация в 1940 году комментария С.Н. Дурьлина к роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» [3]. На этом практика комментирования надолго застыла.

Процесс целенаправленного устранения острой нехватки комментариев к произведениям литературы конца XVIII–XIX вв. начался в 1964 году и длился до 1988 года. За это время были опубликованы пособия для учителя Е.С. Смирновой-Чикиной «Поэма “Мёртвые души” Н.В. Гоголя. Литературный комментарий» [4] и П.Г. Пустовойта «Роман И.С. Тургенева “Отцы и дети”. Литературный комментарий» [5]. В 1966 году увидела свет книга В. Мануйлова «Роман М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”. Комментарий». В 1967 году были изданы книги М.Т. Пинаева «Комментарий к роману Н.Г. Чернышевского “Что делать?”» [6] и Б. Кандиева «Роман-эпопея “Война и мир”. Комментарий» [7]. В 1969 году вышло пособие для учителя Б.П. Городецкого «Трагедия А.С. Пушкина “Борис Годунов”. Комментарий» [8]. В 1970 году в издательстве «Просвещение» был выпущен комментарий Л.А. Розановой к поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [9], а в 1971 году — комментарий Э. Войтоловской к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» [10]. В 1974 году в Ленинграде издательство «Просвещение» напечатало комментарий Л.И. Кулаковой и В.А. Западова к книге А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» [11] и комментарий И. Машбица-Ворова к поэме В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» [12]. Комментарий

М. Гиллельсона и И. Мушиной к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» [13] увидел свет в 1977 году, а комментарий С.В. Белова к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» [14] — в 1979 году. В 1980 году издательство «Просвещение» выпустило комментарий Ю.М. Лотмана к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [15], в 1983 году — комментарий С. Фомичева к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» [16] и комментарий П. Пустовойта к роману И.С. Тургенева «Отцы и дети» [17]. В 1987 году вышел комментарий К. Вишневого к поэме В.В. Маяковского «Хорошо!» [18], в 1988 году — комментарий М. Пинаева к роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?» [19].

Но если к классике XIX века монографические комментарии были написаны и опубликованы, то из всего огромного пласта советской литературы к концу 1980-х годов комментарии были опубликованы лишь к поэмам В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!». А с конца 1980-х по настоящее время фундаментального комментария удостоились лишь сатирические романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» [20]. Ситуация начинает напоминать ту, которая сложилась в конце XIX — начале XX вв., когда на пределах Российской империи не нашлось ни одного человека, способного подготовить целостный историко-культурный комментарий к отдельному литературно-художественному произведению.

Следует помнить, что подлинное художественное произведение не имеет случайных компонентов — не только пейзажей, авторских отступлений, лирических монологов, но и более мелких деталей — упоминающихся предметов, использования тех или иных слов, имён. Автор впустую не пишет, не использует ни одного слова, каждое слово играет свою «музыкальную партию» и симфоническом художественном целом произведения.

Всем памятен пассаж профессора Преображенского об украденных галошах: «До тысяча девятьсот семнадцатого года не было ни одного случая ..., чтобы из нашего парадного внизу, при общей незапертой двери, пропала бы хотя бы одна пара калош...» [21, с. 278]. Это смешно. Учёный человек с мировым именем выступает с речью об утащенных галошах. Этаким чеховский «многоуважаемый шкаф». Но взгляды в текст М.А. Булгакова внимательнее. Оказывается, калоши стащили не из квартиры профессора, а из парадной. Значит, профессор жил в доме, где в каждую квартиру было два входа: один — с уличной части, парадный, а другой — со двора, для прислуги — чёрный. Как следует из того же монолога Преображенского, в парадной была «мраморная лестница», покрытая «ковром». При этом за два десятилетия из «калошной стойки» «при общей незапертой двери» не пропало ни «одной пары калош».

Читая этот вдохновенный монолог, невольно начинаешь думать о падении нравов: двери настежь открытые, заходи, кто хочешь, бери калоши, а никто не берёт, все глубоко порядочные. Наступила в 1917 году революция, и нравы испортились — «пролетарии» тут же стащили у профессора калоши («У пролетария сейчас есть калоши, и эти калоши мои»).

Но у Булгакова всё не так просто. Перечитаем ещё раз увлекательно написанный монолог профессора, и найдём: «В апреле семнадцатого года, в один прекрасный день, пропали все калоши ..., пальто и самовар у швейцара» [21, с. 144]. Оказывается, парадный вход охранял швейцар! Вот и весь секрет мнимой порядочности дореволюционных граждан!

В комментарии к произведению следовало бы также отметить ещё одну подробность. На двери парадного входа в дом размещались медные таблички, с выгравированном текстом [22, с. 33], сообщавшем об имени и роде занятий живущего в той или иной квартире. Преображенский сообщает: в подъезде, «заметьте, двенадцать квартир», в квартире — семь комнат («Я один живу и работаю в семи комнатах»). Дом, по-видимому, был шестиэтажный, по две квартиры на каждый этаж подъезда. Итак, элитный дом с парадным входом, на котором

медные таблички с фамилиями и профессиями владельцев, всего владельцев двенадцать, за дверью парадного входа швейцар... Кто же «сунется» в такой подъезд без риска попасть в полицию? Ведь в случае чего швейцар сообщит о проблеме дворнику, а тот имел персональный жетон (бляху) и подчинялся непосредственно квартальному (полицейскому). «На ночь дворники закрывали подъезды на ключ, запоздалые жильцы звонили дежурному дворнику в дворницкую» [23, с. 79]. Так что и в ночное время калоши из парадной украсть было затруднительно.

Когда в 1925 году М. Булгаков писал монолог Преображенского, он предполагал, что все его читателя имеют представление о режиме функционирования домов с электричеством, паровым отоплением, канализацией, мраморными лестницами, «цветами на площадках», со швейцаром, дворником. Поэтому комичность данного монолога (для Булгакова и его читателей) состояла не в том, что крупный профессор «бьётся» за мелочь вроде калош (юмористический комизм, чудачество профессора), а в том, что этот монолог выдавал неискренность профессора: тот апеллировал к падению нравов после революции, в то время как, проговариваясь, давал понять читателям, что сознает: сохранность имущества в доме определялась социальным строем, обеспечивающим охрану жилищной роскоши (сатирический комизм, обличение профессорского чванства).

Комментарий к механизму функционирования домов для богатых до революции, даёт учителю возможность понять, что Булгаков отнюдь не стоит всецело на стороне Преображенского, напротив, он его, скорее, разоблачает. Но непосредственно за словами об украденных калошах следует знаменитый «афоризм» Преображенского: «Разруха сидит не в клозете, а в головах». Но, как гласят законы формальной логики, из истинной посылки вытекает истинное следствие, а из ложной посылки — не истинное и не ложное, а какое угодно следствие. То есть фраза о том, что причина физической разрухи находится в головах — это не позиция, которую М. Булгаков считает истинной. Он помещает эту фразу после софистических (и, стало быть, ложных) рассуждений Преображенского об изменениях в сознании людей после революции, тем самым давая понять, что блестяще сформулированная неправда остаётся неправдой (или частичной правдой). Так же, как причиной отсутствия воровства калош в парадной богатого дома до революции была не «сознательность» людей, а охранявший эти калоши социальный порядок, так же и разруха в клозетах появилась не от «разрухи в головах» (блестящая метафорическая формулировка без точного смысла), а по утверждения нового строя, при котором обеспечение бытового благополучия богатых и образованных людей перестало быть первоочередной заботой государства.

Важнейшим произведением, изучаемым в советской школе, был роман Н. Островского «Как закалялась сталь». В годы Великой Отечественной войны популярность книги на фронте была невероятной. Экземпляры книги «хранились в карманах солдатских шинелей, в полевых сумках офицеров... “Что делается с книгой “Как закалялась сталь”! — писал старший лейтенант Селин в дни сталинградской обороны. — Читают ночью, в землянках, в блиндажах. Приспособили лучины, светят ими и читают вслух... Как только перерыв между боями, уже слышишь — начали читку... Книги горели в огне, тонули в воде. Развесив над костром страницы, солдаты подсушивали листки, сшивали, и снова читали, перечитывали”...» [24, с. 17].

Не удивительно поэтому, что в годы перестройки из школьной программы было убрано именно это произведение. Уже в 1997 году в пособии для поступающих в вузы (авторы Л.Я. Шнейберг и И.В. Кондаков) «дешёвый индивидуализм» Тони Тумановой характеризуется как осознание ею «самоценности личности». Что же касается пафоса романа, то вот как характеризуют его авторы пособия: «Притуплен интерес к индивидуальности... Человек — винтик страшного механизма. ...Павел Корчагин — винтик огромной нерассуждающей

машины»; роман воссоздаёт «жизнь этой машины, поработавшей и подчиняющей любую личность, индивидуальность», все персонажи романа «в том числе, герои, близкие автору, — однозначны, одномерны» [25, с. 120]. И вот сейчас учительское сообщество стоит перед необходимостью каким-то образом рассказывать на уроках о романе Н. Островского, о котором было рекомендовано говорить, что роман «воссоздаёт» «поработавшую индивидуальность» «жизнь нерассуждающей машины — государства рабочих и крестьян» [25, с. 120].

Но можно ли вернуться к оценкам советской поры и просто сообщить ученикам, что принадлежащая к числу «выдающихся произведений литературы социалистического реализма» книга «Как закалялась сталь» «явилась правдивым отображением классовой борьбы пролетариата?» [24, с. 5]. Воспримут ли ученики утверждение: «Высокая нравственность Корчагина... даёт представление о чистоте и цельности корчагинского характера, в котором мы видим черты Человека с большой буквы?» [24, с. 17]. Дидактизм советского преподавания литературы также малопродуктивен, и такого рода суждения пройдут мимо слуха учащихся.

Роман нуждается в подробном историко-культурном комментарии. К сожалению, обычно публикация текста сопровождается лишь примечаниями, которые иначе, чем издательскими не назовешь. Так, в собрании сочинений на 400 страниц романа пришлась одна страница примечаний такого рода: «стр. 153. ...опродкомдив — особая продовольственная комиссия дивизии; стр. 268. ...оргинстр — организационно-инструкторский отдел» [26, с. 413–414].

Но комментарий должен служить не толкователем малоизвестных слов, а своего рода введением в конкретно-историческую смысловую сферу. И только такой комментарий, поможет учителю, и учащимся почувствовать смысловой подтекст событий романа.

Представим в первом приближении не образец, но пример реального (историко-культурного) комментария. Рассмотрим начало второй части романа. 1920 год. Павел вместе с Ритой Устинович должен попасть на уездную конференцию. Но вокзал переполнен желающими уехать. Людей сдерживает заградительный отряд (группа вооружённых людей, не дающих возможности толпе проникнуть на перрон, а путь в вагон преграждает чекист (представитель «Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем»).

Читаем текст: «Зной истомил землю... На мост поднимались изнемогавшие от жары люди... Рита была в полосатой блузке, в синей недлинной юбке из простой ткани, куртка мягкого хрома была переброшена через плечо» [26, с. 198–199].

Засеем в зной женщина берёт с собой куртку, и как куртка может быть из хрома, ведь хром — это металл? В выражении «куртка мягкого хрома» слово «хром» означает кожу, обработанную солями хрома для мягкости.

Далее в тексте раскрывается скрытое назначение этой не уместной в жаркий день куртки. Павел понимает, что силой сквозь толпу они вдвоём в вагон не пробьются. Тогда Павел принимает решение пробраться в вагон хитростью, а затем втащить Риту в вагон через окно:

«Дай мне свою куртку, она лучше любого мандата. Павел взял у неё кожанку, надел, переложил в карман куртки свой наган, нарочито выставив рукоять со шнуром наружу...» [26, с. 200].

Что эффективнее для решения задачи пробраться в вагон сквозь плотную толпу мимо «коренастого чекиста»? Казалось бы, ответ очевиден: пистолет (наган). В действительности же наган годен против безоружной толпы, а ведь вагон охраняют и заградотрядовцы, и вооружённый чекист, так что сама по себе демонстрация Павлом нагана могла вызвать либо перестрелку, либо арест. Герой же выбирает куртку, отмечая, что «она лучше любого мандата». Ещё одно слово, требующее комментария.

Мандат — слово, означающее полномочия, то есть права человека, вытекающие из того, что он является представителем какой-то организации, причём полномочия, закреплённые на бумаге юридически. Соответственно, по принципу смежности, мандатом называют и удостоверяющий эти полномочия документ. Слово это, вошедшее в обиход после 1917 года, не умерло и сейчас. Так, на всех выборных конференциях мандатная комиссия проверяет подлинность мандатов. В начале собрания делегаты голосуют именно мандатами. Если собрание длится много дней, то делегаты обменивают мандат на другой документ (билет, пропуск). Эта информация нужна учителю, чтобы приблизить для большинства учащихся непонятное слово к современности, показать, что слово это выражает не нечто ушедшее из жизни и малозначительное, а напротив, оно выражает принадлежность человека к принятию решений, определяющих судьбы людей.

У Риты Устинович имелся бумажный мандат делегата уездной конференции, но его нужно было ещё и как-то суметь предъявить в толпе. И вот здесь важно было наличие «куртки мягкого хрома», доступной лишь представителям власти, причём власти «прямого действия», исключительного права арестовывать и даже расстреливать. Представители именно такой власти имели в 1919–1920 гг. возможность носить кожаные куртки.

Эти куртки до революции носили преимущественно авиаторы (лётчики) и шоферы. Мягкая кожаная куртка давала возможность в осенне-зимнее время не замерзнуть и в то же время свободно управлять транспортом. После революции доступ к таким курткам получили люди, стоявшие на линии повседневного вооружённого противостояния с силами контрреволюции.

Павел Корчагин не входил в круг причастных к такому уровню власти, хотя и имел в своём распоряжении наган, а вот Рита Устинович такую куртку в своём распоряжении имела.

Казалось бы, незначительный эпизод даёт возможность учителю раскрыть особенности социальных отношений в 1919–20-е гг. в новом советском обществе, с другой, — может стать основой для нескольких аспектов актуализации этого произведения для современных школьников: во-первых, сравнить статусную одежду Риты с «блатными» номерами на автомобилях, дававшим негласное, но практически абсолютное право проезда по всем дорогам без риска остановки и проверки документов. Далее, учитель может сравнить отношения Павки и Риты как отсутствовавший до революции, тип товарищеских отношений между ровесниками разного пола, с актуальным у современной молодёжи понятием «френдзона». Далее учитель может обратить внимание учащихся на кардинальное изменение положения женщины в России после революции, о равенстве полов, возведённом в ранг государственной политики. Это новое положение женщины в системе советской власти учитель может рассмотреть на примере взаимоотношений героев романа: Рита выше Павки по статусу, но вызывает в нем уважение, а не зависть, при этом Рита способна уступить Павке место там, где нужна его мужская сила и не рассматривает это как унижение. А, установив сходство мира «Как закалялась сталь» и мира современности, учитель уже может «актуализировать» идею формирования личности, живущей во благо своего государства.

Возвращается в школьную программу и роман А. Фадеева «Молодая гвардия». Нелегко будет подступиться к этому 500-страничному сочинению. Учительское сообщество стоит перед лицом серьёзных вызовов, требуются решения, которые не приведут к психологическому отторжению советской классики сначала у учителей, а потом и у учеников. Решить вопрос о действительном включении романов «Как закалялась сталь» (1935) и «Молодая гвардия» (1951) в литературное образование нельзя, не осуществив тщательный историко-культурный комментарий романов. Комментарий — это та база, на которую смогут опереться и учёные, и методисты, и учителя.

Результаты

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что если предназначенных для учителя опубликованных комментариев достаточно, чтобы осуществлять в ходе образовательного процесса конкретно-исторический анализ произведений школьной программы конца XVIII–XIX вв., то отечественная литература 1920–1930-х годов уже не может быть адекватно истолкована даже учителем, поскольку ему в плане адаптированных для школьного изучения комментариев не на что опереться, он не имеет возможности воспринять текст как органический элемент конкретной социально-исторической, духовно-нравственной и культурно-бытовой реальности.

Невозможность освоения художественного произведения, адекватного историко-культурному контексту эпохи его создания, приводит к его неполному, абстрактно-схоластическому, искажённому восприятию и, как следствие, к психологическому отторжению обучающегося от изучаемого им текста. Это лишает его не только мотивации к изучению данного литературно-художественного произведения, но и порождает отчуждение от всего массива классических произведений русской словесности.

Напротив, понимание самим учителем содержания культурно-исторических реалий текста позволит ему избежать историко-семантических искажений при интерпретации школьных произведений и даст возможность, сделав предметно-наглядными и чувственно-конкретными словесные образы, приблизить текст к жизненному миру ученика, сделать человекосоразмерным художественный мир прошлого.

Рассмотренная в статье тема ставит перед современной филологической и методической наукой масштабную задачу организации фундаментального изучения, глубинного анализа и системного описания значительного по объёму и ценного в общественно-культурном плане пласта великой русской литературы, остро нуждающегося в тщательно продуманном историко-культурном комментарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий / В.А. Мануйлов. — Москва-Ленинград: Просвещение, 1966. — 276 с.
2. Бродский Н.Л. «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина / Н.Л. Бродский. — Москва: Учпедгиз, 1950. — 408 с.
3. Дурьлин С.Н. «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова / С.Н. Дурьлин. — Москва: Учпедгиз, 1940. — 256 с.
4. Смирнова-Чикина Е.С. Поэма «Мёртвые души» Н.В. Гоголя. Литературный комментарий / Е.С. Смирнова-Чикина. — Москва: Просвещение, 1964. — 279 с.
5. Пустовойт П.Г. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». Литературный комментарий / П.Г. Пустовойт. — Москва: Просвещение, 1964. — 206 с.
6. Пинаев М.Т. Комментарий к роману Н.Г. Чернышевского «Что делать?» / М.Т. Пинаев. — Москва: Просвещение, 1963. — 232 с.
7. Кандиев Б. Роман-эпопея «Война и мир». Комментарий / Б. Кандиев. — Москва: Просвещение, 1967. — 390 с.
8. Городецкий Б.П. Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов». Комментарий / Б.П. Городецкий. — Ленинград: Просвещение, 1969. — 184 с.

9. Розанова Л.А. Поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо. Комментарий / Л.А. Розанова. — Ленинград: Просвещение, 1970. — 320 с.
10. Войтоловская Э.Л. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». Комментарий / Э.Л. Войтоловская. — Ленинград: Просвещение, 1971. — 271 с.
11. Кулакова Л.И. А.Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий / Л.И. Кулакова, В.А. Западов. — Ленинград: Просвещение, 1974. — 256 с.
12. Машбиц-Веров И. Поэма В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Комментарий / И. Машбиц-Веров. — Москва: Просвещение, 1974. — 128 с.
13. Гиллельсон М.И. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий / М.И. Гиллесон, И.Б. Мушина. — Ленинград: Просвещение, 1977. — 192 с.
14. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий / С.В. Белов; под редакцией Д.С. Лихачева. — Ленинград: Просвещение, 1979. — 240 с.
15. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю.М. Лотман. — изд. 2-е. — Ленинград: Просвещение, 1983. — 416 с.
16. Фомичев С. Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума». Комментарий / С. Фомичев. — Москва: Просвещение, 1983. — 207 с.
17. Пустовойт П.Г. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». Комментарий / П.Г. Пустовойт. — изд. 2-е. — Москва: Просвещение, 1983. — 222 с.
18. Вишневский К. Поэма В.В. Маяковского «Хорошо!». Комментарий / К. Вишневский. — Москва: Просвещение, 1987. — 208 с.
19. Пинаев М. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать». Комментарий / М. Пинаев. — Москва: Просвещение, 1988. — 302 с.
20. Щеглов Ю.К. Комментарии к роману «Двенадцать стульев» / Ю.К. Щеглов. — Москва: Панорама, 1995. — 656 с.
21. Булгаков М. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. / М. Булгаков. — Москва: Художественная литература, 1989. — 751 с.
22. Ривош Я.Н. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века / Я.Н. Ривош. — Москва: Искусство, 1990. — 304 с.
23. Гранин Д. Ленинградский каталог / Д. Гранин. — Ленинград: Детская литература, 1986. — 111 с.
24. Розова Л.В. Роман Н. Островского «Как закалялась сталь» / Л.В. Розова. — Москва: Знание, 1951. — 32 с.
25. Шнейберг Л. От Горького до Солженицына / Л. Шнейберг, И. Кондаков. — Москва: Высшая школа, 1997. — 557 с.
26. Островский Н. Собрание сочинений в трёх томах. Т. 1. Как закалялась сталь / Н. Островский. — Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. — 415 с.

Borisov Sergey Borisovich

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia

E-mail: sbsborisov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2726-0446>

Historical and cultural commentary as a security mechanism integral development of the works of Russian Soviet literature of the 1920s and 1930s

Abstract. Using the example of M. Bulgakov's satirical novel «Heart of a Dog» (1925) and N. Ostrovsky's novel «How Steel Was Tempered» (1934), returned to the high school program, the author considers the need to use historical and cultural commentary for a relevant understanding of the content of the literary and artistic text and adequate reconstruction of the author's plan. The material of the article can be useful for teachers as the basis for the formation of conceptual lessons, the selection of entertaining material on the works studied.

Keywords: literary education; soviet literature; historical and cultural commentary; interpretation of a work of art; history of everyday life